

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ ЛЕЗГИН

Свадьба и похороны являются самыми важными событиями в жизни лезгина. В событиях этих принимают активное участие не только семьи жениха и невесты, но и оба их мираса¹, а в меньшей степени и все члены тохума, т.е. рода. Ради свадьбы забывается вражда, а в прошлом бывали даже случаи примирения кровников. Все ближайшие сородичи участвуют в этом событии деньгами, трудом, продуктами и вещами. Свадьба сопровождается съездом большого количества гостей, обильным угощением, обменом подарками, танцами, музыкою, всевозможными развлечениями и играми. Празднество это длится не менее трех дней, в нем участвует 200–300 человек и тем не менее оно проходит всегда в образцовом порядке, как хорошо разыгранный спектакль.

До революции свадебные обычаи лезгин не были записаны, поэтому мы приводим здесь одно описание дореволюционной свадьбы, записанное со слов Али Алиева, жителя сел. Касумкента, родившегося в сел. Заза в 1890 г. Вторая запись относится к современной лезгинской свадьбе. Она записана в сел. Хазры (Аз. ССР). Свадьбы, записанные в селениях Ахты, Куруш, Курах, Укур и Гиль приводятся нами не полностью, из них выделены только некоторые, отличающие их, особенности.

Свадьба, записанная в сел. Касумкент

До Великой Октябрьской революции молодому человеку, задумавшему жениться, не было предоставлено самостоятельности — он находился в полной зависимости и подчинении у своего отца. Вопрос о заключении брака решали родители, желание которых было законом для детей. При женитьбе сына большое значение имело мнение матери. Родители не считались обыкновенно с чувством влечения сына или дочери, их интересовали более практические вопросы — каково материальное положение жениха или невесты, хорошего ли рода тот

¹ Мирасом называется группа родственников по мужской линии, состоящая обычно из семей братьев и братьев отца. Такая группа состоит приблизительно из шести-восьми семейств и насчитывает около 50 человек.

или другой, какие преимущества получают они от того, что породнятся с новой семьей и ее сородичами, хорошая ли работница невеста и т.п.

Желание двух семей породниться между собой, высказанное, иногда, отцами этих семейств во время пирушки, приводило к тому, что отцы сватали своих малолетних детей, находившихся еще в колыбели. После этой помолвки дети считались уже женихом и невестой, а по достижении зрелого возраста они должны были вступать в брак. Родители «жениха» посылали «невесте» подарки, обе семьи считались породнившимися и оказывали друг другу поддержку в разнообразных случаях жизни.

При помолвке отец или мать мальчика делали зарубку на перекладине люльки невесты и привязывали к ней платок. Для того чтобы породниться, условно обручали даже еще не родившихся детей, т.е. находящихся в утробе своих матерей.

Наиболее желательными браками считались у лезгин браки между двоюродными братьями и сестрами². У горцев Дагестана в числе прочих условий счастья считался брак на двоюродной сестре³. Заключение брака между сородичами объясняли желанием не обидеть родственников, стать с ними в еще более близкие отношения, «чтобы горе и радость были вместе». Когда деду работницы ковровой артели И. Бабаевой в сел. Капир сказали, что одну девушку из его тохума хотят выдать замуж за человека из другого тохума, то он возмутился и сказал: «Мой глаз не хочу на чужое лицо наложить» (т.е. не хочу смотреть на мужа из чужого тохума); как будто у нас в тохуме нет своих юношей?

Брак между молочным братом и сестрой запрещен. Явился ли этот запрет следствием влияния ислама или корни его более древнего происхождения, решить трудно.

В памяти лезгин не сохранилось воспоминания об обязательности левирата, но отголоски этого института можно наблюдать у лезгин и сейчас. У заведующей женотделом Курахского р-на, некоей Б., был убит на войне муж. Б. осталась вдовой с двумя детьми. Брат покойного мужа упорно настаивал, чтобы она вышла за него замуж, опираясь на свое право по обычаю левирата. Б. отказалась, но после этого отказа вынуждена была оставить своих детей и дом мужа, который принадлежал также и брату мужа, и переселилась в семью своего родного брата. В приведенном примере мы видим борьбу старого и нового воззрения на левират. Лезгинская женщина, веками покорная отцу, мужу, братьям мужа и всем мужчинам в семье, нашла теперь в себе силу не подчиняться и уйти из дома, но на то, чтобы взять к себе детей и воспитывать их самой, у нее еще не хватило решимости.

² Об эндогамии у дагестанских горцев см.: Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1896.

³ Алкадари Г. Книга Асари Дагестан // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее СМОМПК). Махачкала, 1929 г. Вып. 46. С. 148.

Идеалом женской красоты является девушка высокого роста с белой кожей, черными волосами, черными или серыми глазами и маленькими ногами. «Большие ноги — это несчастье для девушки» — говорят лезгины. Она должна походкой напоминать куропатку, быть вежливой и покорной. О красивой девушке говорят: «Она похожа на белую черешню». Красивые глаза девушки сравнивают с глазами дикой курочки⁴.

В случае отказа родителей девушки выдать дочь замуж за сватающегося юношу или несогласия на брак самой девушки прибегали иногда к похищению. В похищении, кроме жениха, участвовали также несколько его друзей. Весь «отряд» был вооружен. Похищенную девушку увозили в другое селение или в горы. Через два–три дня после фактического заключения брака молодые возвращались, и родители вынуждены были согласиться на любые условия (записано в сел. Куруш, Докузпаринского р-на). По словам Али Алиева, в б. Кюринском округе похищения и до революции случались редко, не более двух случаев в год, а сейчас их совсем не бывает. Последний случай похищения в Касумкентском р-не произошел в 1935 г. В отличие от записанного в сел. Куруш, в Касумкентском р-не похищение производилось всегда при согласии девушки.

Брачный возраст для девушки в прежнее время был 12–14 лет, а для юноши 16–20 лет. Несколько записей свидетельствуют о случаях брака несовершеннолетних мальчиков со зрелыми девушками, напр., деда Асланова в сел. Капир женили, когда ему было 10 лет на девушке 18 лет. Мулла Халид, будучи стар, желал отпраздновать свадьбу сына при своей жизни и женил 13-летнего мальчика на девушке 17 лет. Однако существование института снохачества лезгины отрицают. Многоженство у них было явлением редким.

До официального сватовства мать жениха или какой-либо другой родственник отправляется к родителям невесты и узнает их отношение к предполагаемому сватовству⁵. Посланный сват или сваха, чаще это бывает женщина, называется *ел'че* (что означает по азерб. посол, вестник, сваха, сват) или *мусуд* (запис. в сел. Курах).

Обыкновенно родители девушки не дают сразу согласия на брак, а отвечают, что они должны подумать, и назначают для ответа ближайший четверг. Четверг вообще считается хорошим днем для начала какого-либо дела. Нередко сваты ходят три–четыре раза, пока не убедят родителей дать согласие. Вслед за получением согласия уславливаются о дне «первого лишана». Самое слово «лишан» про-

⁴ См.: Услар П.К. Кюринский язык. Тифлис, 1896. С. 490, 521.

⁵ В русской крестьянской свадьбе этому соответствовал «засыл пустосватов для проверки». См.: у В. Даля под словом «сватать». (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М. Т. 4. 1914. С. 53; Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.-М. Т. 4. 1882. С. 145. — Прим. в скобках К. Радецкой).

исходит от азерб.-перс. «*нишан*» — метка, знак, обручение, а также подарок невесте при обручении. Первый лишан соответствует нашему сговору. В дом родителей невесты приходят отец, мать или дядя жениха, всего два–три человека. Они приносят с собой на подносах угощение (плов), а также задаток за невесту: кольцо, небольшую сумму денег, один комплект одежды или белый платок, и говорят: «Мы пришли просить у вас голову». На этом лишане отец невесты ставил условия, на которых он согласен отдать свою дочь. Обычно он требовал продукты для угощения, примерно 20 пудов муки, три–четыре барана, 5–6 кг сахару, от 200 до 500 руб. деньгами. Торговаться родителям жениха считалось неприличным, и широким жестом они соглашались на все предложенные условия. С этого дня семья жениха называет девушку «*суас*»⁶. «Суас» означает и невеста, и невестка. Кроме азерб.-перс. термина лишан первое обручение называют еще по лезгински «*суас це ляхана*», т.е. «невесту давай сказали» или «*Кiури галкiурда*», т.е. «крючок зацепили».

Видеться жениху и невесте обычаем запрещено. Когда невеста идет утром или вечером за водой, он высматривает ее на расстоянии, когда она проходит мимо, он прячется в кусты и говорит ей тихо пару слов. Практикуется также и объяснение жестами. Девушки, зная, что у источника их высматривают женихи, идуг за водой всегда хорошо одетые. Если жених из другого селения или квартала, то ему было небезопасно прийти в квартал невесты, так как мужская молодежь этого квартала была настроена по отношению к нему агрессивно, и за попытку повидать невесту он мог поплатиться даже жизнью.

Родители невесты могут пригласить в свой дом жениха, его принимает отец невесты, ее родственники, но она сама к нему не выходит.

Промежуток времени между первым и вторым лишаном может быть различным, чаще несколько месяцев. На второй лишан приглашается около 50 родственников. Этот лишан делают в счастливые дни — четверг или понедельник, преимущественно между двумя праздниками — Орудж байрамом и Курбан байрамом. Родители невесты еще на первом лишане прямо заявляют отцу жениха, чтобы ко второму лишану он доставил 50 паев чуреков, халвы, мяса, масла, сахару, остатки условленной денежной суммы и полный комплект одежды. Все указанные вещи и продукты родители жениха к этому дню привозят. В доме невесты устраивают обильное угощение для родственников той и другой стороны, но самому жениху и невесте присутствовать на этом пиршестве возбраняется. После угощения родственники жениха разъезжаются по домам. За несколько дней до свадьбы в доме родителей жениха состоится семейный совет, на котором решают, кого следует пригласить на свадьбу. Приглашенных бывает от 50 до 300 и более человек, но без приглашения никто не придет к свадебному столу. На этом же совете распределяют

⁶ В ахтынском наречии говорят *шуашьв*.

приезжих гостей — к каждому родственнику прикрепляют гостей из определенного селения.

Свадебное торжество начинается во вторник и кончается к 12 часам дня в пятницу. Во вторник приглашают музыкантов-барабанщиков и зурнача. Без них не может состояться ни одна свадьба. Звуки зурны для непривычного уха кажутся нестерпимо резкими, но лезгины не представляют себе свадебного веселья без этого своеобразного инструмента. Музыканты приходят к дому родителей жениха, где к приходу их собираются все родственники, которые и открывают танцы. Танцы — главное свадебное увеселенье, и все лезгины с детства учатся этому искусству. Танцующие на свадьбе мужчины должны по обычаю одаривать деньгами музыкантов и своих партнерш. Чтобы не отвлекать музыкантов от игры, которой они предаются всегда с большим жаром, танцоры суют им деньги за ворот, под шапку или в нагрудные карманы, и эти торчащие отовсюду бумажки придают музыкантам весьма забавный вид. Старый обычай запрещал мужчине даже легкое прикосновение к женщине, поэтому он не должен был давать ей деньги в руку, а во время танца завязывал их быстро в уголок ее большого головного платка. В настоящее время женщины получают эти деньги в руки, но обычно не оставляют их себе, а отдают сразу же музыкантам. Танцуют одновременно всего два человека, реже один мужчина и две женщины. После танцев родственников музыканты входят в дом жениха, угощаются и снова выходят уже на какое-нибудь более просторное место — гумно, площадь и т.п., чтобы в веселье могло принять большое количество народа и не обязательно родственники; с неослабевающим увлечением и жаром танцует народ, и играют музыканты. В 12 ч. ночи расходятся. В 7–8 утра музыканты встают и, позавтракав в доме жениха, снова принимаются за дело. На ту же площадь опять собирается народ, и снова под неумолчные звуки зурны выступает одна пара за другой, неотомимо танцую до обеденного перерыва.

После обеда начинают собираться гости как из данного, так и соседних селений. Идут на свадьбу и близкие родственники (*миресары*), и друзья жениха и невесты (*яр дуст*), и родственники невесты (*ковумары*), обычно предъявляющие разные требования, и хорошие знакомые и даже люди, бывшие в ссоре, но для этого дня забывшие вражду. У каждого родственника жениха к этому часу уже подготовлен большой поднос с хлебом, курицей, яблоками, конфетами. Приезжий отправляется на место свадебного увеселения, каждая хозяйка идет туда же за своим гостем и ставит перед ним поднос с угощением. Здесь происходит как бы тайное соревнование — все смотрят на подносы и расценивают, чье угощение лучше. Вообще каждый старается на свадьбе быть первым, не отстать от других, старается быть здесь настолько заметным, чтобы о нем говорили потом во многих селениях.

Особенно интересен проезд родственниц невесты — ковумар. Ковумары едут торжественно со знаменами («тара тары» представляются собой палки с прикрепленными к ним большими платками или отрезами ткани). Подъехав к селению, они втыкают эти знамена в землю. Один из более уважаемых ковумаров извещает выстрелом о своем прибытии. Отец жениха спешно высылает своего представителя узнать, откуда этот гость и какие он предъявляет требования. Гость (один или несколько) сообщает свои требования. Представитель возвращается к хозяину свадьбы, и тот немедленно приступает к выполнению этих требований. В сопровождении музыкантов все идет к месту стоянки гостей. Требования ковумара могут быть самые разнообразные. Он требовал зарезать буйвола, вывести к нему 40 человек наряженных беременными женщинами, заставлял отца жениха изображать ишака, дядю — еврея, отца и мать жениха сестра на одного осла спинами друг к другу, надевать шубы на изнанку и т.п.

Все эти требования жениховской стороной выполнялись. Приведенному быку или буйволу гость отрубал голову и платил за него 20 рублей. Участникам увеселения он раздавал подарки. Вообще все гости приезжали с подарками, и родственники жениха, у которых они останавливались, гордились своими кунаками. «Твой гость куру принес, а мой быка привел» — хвастались они друг перед другом.

После этого увеселительного зрелища все идет на танцевальную площадку, где до полуночи продолжают танцы. В этот же вечер родные жениха выбирают молодых людей из родственников и друзей жениха, которые составляют особый отряд и называются «чамар». Они должны на следующий [день] ехать за невестой.

Между тем к невесте за день до приезда чамаров прикрепляют двух дружек (*наиб*и), обычно из двоюродных сестер. Так как не все сельчане видели платье невесты, то *наиб*и надевают их на себя и демонстрируют всему селению. Вообще *наиб*и помогают в этот день по хозяйству, носят воду, красят для свадебного стола около 100 шт. яиц в разные яркие цвета, преимущественно красный. Они остаются у невесты всю ночь, проводя с ней время в разговорах. В эту же ночь невеста моется. С утра в четверг, т.е. перед ее отправлением в дом жениха, к ней собираются девушки и приносят всевозможные подарки: вареную курицу, пирожки (*шуреяры*), хлеб, *исита* (халву), сумочки, платки и др. За час до отъезда на нее надевают один из комплектов ее одежды, голову ее покрывают красным шелковым платком (*дугуьром*), после чего начинается плач невесты. Причитаний при этом она не произносит.

Что же делается в доме жениха после отъезда чамаров? На площадку, где происходят танцы, приходит одетый в тулуп жених в сопровождении отца и близких родственников. Здесь на какой-либо импровизированный стол ставят поднос со сладостями. Жених вместе с распорядителем свадебной церемонии «*бакаулом*» становится около

стола и принимает поздравления и подарки. Первым подходит его отец, который кладет на подносе со сладостями от одного до трех рублей, поздравляет его и объявляет, что дарит ему участок земли (от ½ до 1 га), лошадь или ореховое дерево. Родственники жениха также кладут деньги, берут угощение и уходят. Это является своего рода регистрацией гостей. Здесь видят, кто не явился на свадьбу, остались ли у жениха или его отца непримиримые враги. После этой церемонии жених уходит в дом дяди или другого близкого родственника и приходит домой только к брачной ночи.

Между тем в среду вечером чамаров уведомляют, что на них возложено почетное поручение привезти невесту. В четверг утром они являются в дом жениха, где им подают завтрак и они приступают к приготовлениям в путь. Если свадьба справляется в этом же селении, то отряд может быть и пешим, но если в другом — то непременно верховой. Примчавшийся первый называется «*чархаши*», т.е. глашатай. Он является к родителем невесты и говорит: «Здравствуйте, ковумар». Ковумары уже поджидают его и дарят ему вареную курицу. Получив эту куру, он дает выстрел и снова возвращается к оставшим чамарам. Вскоре подъезжают к дому невесты и остальные всадники, они слезают с коней и сразу же приступают к танцам. В числе приехавших за невестой приезжает также *енче*⁷ от жениха, обычно это его родная или двоюродная сестра. Наиби невесты не пускают приехавшую «енче» и требуют с нее выкупа. Енче дает им одни—три рубля и входит в дом.

После танца тут же, на улице, чамаров угощают шашлыком и щербетом. Наскоро закусив, они входят в дом невесты, где им подают сначала фрукты, принесенные на больших медных подносах родственницами невесты, а затем — плов. После угощения опять танцуют до двух часов дня.

В то же время после того, как записано в акте ее имущество, в доме ее [т.е. невесты. — Прим. К. Радецкой] родителей заключали брачный договор «*некягь*» или «*кебин*». Договор происходил между представителем жениха и представителем невесты. Представителем мог быть отец или кто-либо из близких родственников (мираса). При заключении этого договора оба представителя вставали на пол на колени и смыкали свои руки в воздухе или над сосудом с водой так, чтобы поднятые вверх большие пальцы их прикасались друг к другу. Ни в коем случае нельзя было заключать этот договор, сидя на стульях, положив руки на стол. Мулла произносил молитву. Оба представителя давали свое согласие на брак, причем представитель жениха говорил: «Согласен на заключение брака с кебином в сумме столько-то рублей». Прежде эта сумма кебина равнялась от 3 до 100 руб. и в случае оставления мужем жены шла в ее пользу. В случае же смерти жены — на ее похороны.

⁷ У автора первоначально встречается враздном написании, публикуется в современном написании — *енче* (Прим. К. Радецкой).

После полудня невесту собирают к отъезду. Неподалеку от ее дома в стог сена втыкают высокий шест, на верхнем конце которого укрепляли яйцо. Невеста до тех пор не садится на коня, пока чамары не прострелят это яйцо. Лишь после этого отец или дядя невесты (безразлично, с отцовской или материнской стороны) сажает ее на коня; трижды всовывая правую ногу ее в стремя, они говорят при этом: «Бисмиллах», т.е. «Во имя бога». Подобно тому как со стороны жениха была прислана его «енче», так и со стороны родственников невесты обычно сестра отца или жена его брата посылается сопровождать невесту со стороны ковумаров. Эта енче тоже готовит в дорогу сундук с угощением. Обе енче едут со всем приданым невесты на подводе, одна из них держит зажженную лампу, «чтобы жизнь была радостной и светлой», другая — зеркало.

Лошадь⁸ держит за узду сын невестининой енче. Ее окружают верхом на лошадях вооруженные чамары. Сельская молодежь преграждает свадебный поезд, требуя выкупа за невесту. «Дай нашу долю», — говорят они енче жениха, и та дает им куру.

Отец и мать невесты остаются дома и ждут сообщения енче об установлении девственности их дочери.

Между тем сопровождающие невесту чамары снова начинают скачки. Первый глашатай подъезжает к дому жениха и выстрелом извещает о приближении невесты. Отец жениха повязывает на шею его лошади шелковый платок, дает ему на шомполе шашлык, и с этим шашлыком он едет обратно к чамарам.

Когда невеста подъезжает к дому жениха, ее обсыпают мукой, рисом, сахаром и монетами, а затем снимают с лошади. Мать жениха встречает ее на пороге дома с тарелкой меда. Невеста берет рукой немного меда в рот, а остальным количеством, оставшимся на руке, мажет косяк двери «чтобы жизнь ее с мужем в этом доме была сладкой». Сразу же после этого ей дают на руки мальчика и желают иметь такого сына.

Часам к 11–12 ночи все расходятся, с невестой остается только ее енче и мать жениха. Енче стелет новобрачным постель. К этому времени приводят жениха, который до сих пор находился в доме дяди или товарища. Его ведут два дружка (*пок аулар* или *гели банар*). Жених входит к невесте в тулупе с длинными рукавами. Войдя в комнату, он ударяет ее прутом. Это делалось иногда для вида, чтобы дружки у двери слышали, что он не отступает от обычая и может проявить свою мужскую власть, а иногда удары бывали и настоящие. Потом жених выносит дружкам приготовленный заранее поднос с угощением из привезенного невестой сундука, и дружки до рассвета не появляются. «Отделавшись» от них, жених садится рядом с невестой, они вместе закусывают из того же сундука и ложатся спать. Как только начинает рассветать, жених, взяв завернутое в скатерть

⁸ Лошадь невесты. (Прим. К. Радецкой).

угощение, уходит опять в тот дом, где он скрывался накануне, и остается там целый день до ночи. Невеста же, после его ухода, передает своей енче платок чести (*рушвелин лишан*, буквально — знак девственности) и та показывает его родителям жениха. Если невеста оказывалась не девственной, то ее сразу же выгнали и сейчас же, пока не разошлись гости, засватывали другую девушку.

К 12 часам дня пятницы свадебное торжество должно окончиться. В этот последний день выводят из комнаты невесту и жениха, которые танцуют, но каждый порознь. Завершается же все танцем «*чамра кьуль*»⁹, т.е. чамарским танцем. В этом общем танце принимают участие не менее двадцати человек, и на нем свадебное веселье кончается. Все приглашенные гости идут к родителям жениха, там их угощают, дают подарки (пестрые красивые чулки, кисеты и пр.), и они уходят к своим кунакам. Кунаки готовят им последний плов, после которого все разъезжаются. Жених после танца опять уходит к своему дяде (*еми*), так как оставаться днем со своей молодой женой считается у лезгин позорным.

Перед второй ночью дядя жениха устраивает для молодых угощение, при этом они сидят каждый отдельно: невеста в комнате для хозяйства, а жених — в кунацкой. После угощения им делают подарки — кольца, платки, а иногда телку или барана.

На второй день молодая жена начинает выполнять некоторые домашние работы, на третий день она, нарядно одетая, в сопровождении близких родственниц мужа, идет к источнику за водой. Там молодая угощает своих спутниц разными лакомствами. Перед выходом из дому один из сыновей родственников жениха поливает ей на ногу воду, а она дарит ему кисет или какую-либо другую мелочь. Присутствующие поют при этом пожелание, чтобы у нее было семь прекрасных сыновей и одна девушка, подобная жемчужине. В течение трех месяцев молодожены не разговаривают друг с другом при людях, в бедных семьях начинали разговаривать раньше.

Кроме селения Касумкент мною записаны свадьбы и в лезгинских селениях: Ахты, Курах, Гиле, Хазры и некоторых других. В основном свадебный обряд везде сходен, но в деталях есть некоторые различия. Эти различия и будут здесь приведены.

Так, в сел. Укур невесту везут не верхом на лошади, а в арбе. Прежде арбу покрывали коврами и объезжали на ней вокруг пира.

Накануне отъезда в дом жениха невеста со своей енчей идет к пиру и несет туда халву, яйца, жареную курицу или петуха. Это приношение называется *пИуран пай*, т.е. для пира. Его оставляют у пира, чтобы тот помог новобрачной в новой жизни.

⁹ Слово «кьуль» — танец проверено по Русско-лезгинскому словарю (Махачкала, 1950). В авторском варианте статьи это слово дано с пропуском: «к уль». (Прим. К. Радецкой).

В этом же селении одним из любимых развлечений так же является ряжение. Мужчины переодеваются в женщин и танцуют настолько ловко, что зрители часто не подозревают, что это мужчины.

В сел. Хазры на первый лишан от жениха обычно приходят только родственники мужчины. «Это мужское денежное дело» — говорят лезгины. Им подают на подносах угощение. После еды гости бросают на эти же подносы деньги. Через 5–10 дней приходят женщины — родственницы жениха. Они несут на головах блюда с пловом, сдобным хлебом, халвой, печеньем, конфетами. По окончании гости тоже кладут на подносы деньги и вызывают невесту. Невеста приходит со своими подругами и молча становится посредине комнаты. Вместо невесты приветствуют гостей подруги. Мать жениха или другая родственница надевает на голову невесте привезенный ей большой белый шелковый платок, а на руку кольцо. Другие родственницы также одаривают ее кольцами и другими подарками, желая при этом иметь много детей, состариться в мире и любви.

После ухода гостей со стороны жениха приходят родственницы со стороны невесты.

Между первым и вторым лишаном бывает большой промежуток времени — три месяца и больше. В течение этого времени родители жениха посылают несуте подарки не менее четырех-пяти раз, а богачи посылали и чаще. Подарки эти состояли из обуви, платьев, платков, белья и всевозможных продуктов питания (сдобного хлеба, пирожков с орехами и халвой и т.п.).

Второй лишан в этом селении бывает непосредственно перед самой свадьбой и справляется более торжественно, чем в Касумкентском рне. Он справляется обязательно с участием женщин и в доме жениха, и в доме невесты. Женщинам, приглашенным родителями жениха, устраивают угощение, после которого каждая из родственниц относит на голове в дом невесты большой поднос (*нахар*) с подарками от жениха. Несколько женщин несут сдобные хлеба (по четыре хлеба на каждом подносе), у двух-трех женщин нахарары наполнены халвой, а еще у *двух-трех* на харарах положен полный комплект одежды. Это шествие возглавляют музыканты с зурной и барабанами. Идущие за ними женщины поют песни, причем в каждой четверке выступают по очереди два человека, как бы отвечая песней другой паре. Кроме женщин с подарками идут также отец, брат и другие мужчины — родственники и друзья жениха.

Войдя в дом родителей невесты, женщины дают подарки ее матери. Здесь же около дома устраивают танцы. Невеста также должна протанцевать с кем-нибудь из родных жениха или с его другом. Все гости (и мужчины, и женщины) с жениховской стороны должны дарить невесте деньги. Одна из женщин собирает с гостей эти деньги

и отдает их невесте. Одаривают деньгами также и музыкантов. Потом всех женщин приглашают в дом невесты для угощения. Если мужчины приезжие, то их тоже угощают, но отдельно от женщин, односельчане же уходят по своим домам. После еды женщины кладут на подносы деньги от трех до десяти и больше рублей. Одна из родственниц невесты подсчитывает всю сумму и отдает ее матери невесты.

Жениховские родственницы после угощения уходят, и на смену им приходят родственницы невесты. После еды они кладут на поднос не деньги, а мелкие подарки: пояса, носовые платки, полотенца, кисеты для табака, сумочки для часов, тесемки для старушечьих юбок, шнурки для поршней, чулки и пр.

На втором нишане в этом и соседних селениях музыка и танцы у жениха продолжают три дня и три ночи. На третий день едут за невестой и привозят ее к жениху. В этот день приглашают около 150 мужчин и угощают их *бозбашан* (суп с мясом), иногда и водкой. После угощения и пожеланий счастливой жизни гости уходят.

В этом же селении сохранился следующий обычай. Когда приехавшая за невестой енче жениха, держа в руках сдобные хлеба с медом, красное покрывало, лампу и зеркало, хочет войти в дом, перед нею родные и подруги невесты закрывают двери и требуют выкупа. Лишь после того, как она даст им несколько десятков рублей, ее впускают в комнату. Енче ломает над головой невесты три сдобных хлеба, желая при этом счастья, плодородия и богатства. Первый кусок она дает мальчику от года до десяти лет, а остальные — присутствующим женщинам. Пока енче занята этой процедурой, лампу охраняет какая-нибудь родственница жениха, так как родные невесты могут ее украсть и потом требовать выкупа.

Вслед за енче в дом невесты входят и приехавшие от жениха мужчины. Один из них «наиб» (друга) жениха говорит: «Давайте невесту». Ему отвечают: «Она еще не оделась». — «Пусть одевается» — говорит он.

Тогда ее отец, брат и все близкие родственники мужчины должны к ней прийти и сказать, что они разрешают ей одеваться.

Подруга невесты держит ее одежду и говорит наибо жениха: «Дайте деньги, тогда будет одеваться». Наибы дают ей 30–50 рублей, она отдает одежду, тогда берет и помогает ей одеваться. Когда наибы выносят вещи невесты на арбу, то за ее сундук с угощением с них опять требуют выкуп. Наибы платят 50–60 руб. и получают разрешение от родственников невесты взять этот сундук.

Когда невесту подвозят к дому жениха, какая-нибудь родственница, непременно счастливая, обсыпает ее рисом, ячменем, пшеницей, сахаром, конфетами и серебряными деньгами. В это время родители невесты, обсыпанные мукой, танцуют по требованию приехавших

родственников невесты какой-нибудь забавный танец. Заставляют танцевать в смешном виде и енче жениха.

После этих танцев свекровь говорит енче невесты, чтобы она слезла с арбы, но енче отказывается подчиниться этому требованию. Тогда мать жениха приносит ей шелковый платок или материю и кладет на землю ей под ноги. Енче сходит, вслед за ней спускают и невесту.

В комнату, где они находятся, приходят все родственницы жениха, поздравляют обеих с приездом и благодарят енче за то, что она пригрела невесту.

Между тем, когда чамары и енче уехали за невестой, жениха уводят к его дяде или другому близкому родственнику. Дядя режет баранов, приготовляет бозбаш (суп с мясом), приглашает к себе около 150 человек сельчан, устраивая для них угощение. Жених не принимает участия в этом пире, он сидит в отдельной комнате вместе со своими наивами и молодежью. Один наив находится при женихе безотлучно, потому что жениха может украсть молодежь и тогда придется наивам его выкупать за деньги или водку.

Вечером вся молодежь собирается в комнате жениха, родители которого посылают им вареного барана, сдобный хлеб и халву. После этого угощения два наива провожают жениха к невесте, а сами остаются на балконе и напоминают жениху, чтобы он вышел к ним скорее.

Через некоторое время жених выносит к ним платок чести с доказательствами девственности невесты. Один из наивов сразу же приглашает енче невесты. Енче приходит, осматривает платок невесты, показывает его родителям жениха и возвращается с ним к невесте. На постели невесты жених, забирая «платок чести», оставляет для енче 100 руб. Она берет себе эти деньги и вынимает из сундука угощение для наивов: по две штуки сдобного хлеба, по два сдобных пирожка, по тарелке халвы, по одной курице. Каждому наиву дает еще по носовому платку, по кисету для табака и другой мелочи. Все это складывается на один большой поднос, передается наивам, и те отправляются домой. Жених уходит обратно к невесте, а енче провожают в тот дом, где она остановилась.

На следующее утро мать жениха варит мучную кашу (*ха лб*)¹⁰ и приглашает енче и своих близких родственников. После еды, все гости, кроме невестиной енче, кладут на поднос деньги (25–50 руб.). Енче же начинает демонстрировать подарки, полученные невестой — лампу, зеркало, графин, простыни, полотенце, носовые платки, при этом она особо выделяет свои подарки. Она открывает также сундук невесты и демонстрирует все угощение, которое привезла с собой невеста.

¹⁰ Здесь и далее термины, данные в авторском варианте, подчеркнуты и помечены курсивом. (*Прим. К. Радецкой*).

После ухода енче мать жениха вынимает все содержимое сундуков, предназначенное для раздачи, и делит его между родными, которые помогали ей и приносили подарки.

В этот же день родители жениха варят бозбаш, приглашают человек 30 ближайших родственников-мужчин. После угощения опять все танцуют, и на этом свадьба в сел. Хазры кончается.

В свадебных обрядах, записанных в сел. Гиль (Аз. ССР), также имеются некоторые особенности.

В день свадьбы барабанщики выходят на крышу и играют мотив, называемый «*цехер*». Эта музыка служит сигналом к тому, чтобы родственники жениха несли подарки жениху, а родственники невесты (если она живет в этом же селении) несли подарки в дом невесты. Подарки эти состоят из продуктов питания — халвы, курицы, лепешек, яиц или отреза материи, платков, чулок и прочих вещей. Другая особенность, которая встречается в Гиле и некоторых других селениях, состоит в том, что жених, войдя в комнату, где его ожидает невеста, садится и заставляя с него снимать обувь и одежду. В Гиле не енче, а сам жених кладет на приготовленную постель «платок чести». Прежде после первой брачной ночи платок этот вешали для общего обозрения.

Здесь при входе в дом невеста опускает руку не в мед, а в глину и ею мажет косяк двери. Когда невеста подъезжает к дому жениха, дети зажигают факелы и бросают их над арбой невесты.

Когда в день свадьбы невесте несут от жениха подарки, из дома невесты выскакивает молодежь (мужчины) и требует, чтобы им тоже что-нибудь подарили, лишь после этого они выпускают в дом гостей.

Здесь, в Гиле, если невеста не давала приданного, то родители жениха не давали ее родителям денег (*раек нун*). Эту сумму (около 5000 рублей) платили только тогда, когда невеста привозила в приданое ковер, корову и разную медную посуду. К источнику невеста идет здесь не раньше, чем через месяц, а иногда и через три месяца.

В сел. Гиле, когда жених уходит в дом дяди или какого-либо близкого друга, там устраивается вечеринка, на которую жених приглашает всех своих друзей. Приглашенные друзья поздравляют жениха, который все время стоит. Когда угощение окончено, сюда приходят на танцы и девушки. Возле жениха стоят два наиба. После каждого танца девушки бросают возле жениха деньги, которые берут себе наибы.

На третий день жених уже не стесняется показываться на улице. «Он вышел на третий день на лицо», — говорят в таком случае. Утром он собирает товарищей, они ставят высокий шест, на верхнем конце которого прикреплено яйцо, и присутствующие стреляют в него. Попавшему в цель дают большой поднос с подарками. Так как эта церемония является завершением праздника, то ее называют «*терг*», т.е. прекращение.

В селении Хрюке, когда невеста едет к жениху, сородичи не пускают ее и загораживают дорогу. Родные жениха дают им 300–400 рублей выкупа, и тогда они получают пропуск.

В селении Куруше невеста плачет с причитаниями. Лошадь за невестой приводит обязательно дядя невесты по матери, он же и ведет лошадь, когда невеста едет к жениху.

В доме жениха к ногам лошади невесты бросают зарезанного барана. Иногда дядя невесты (с материнской стороны) угрожает не отпустить невесту и требует выкупа.

Пока невеста не сошла с лошади, родственники показывают всем собравшимся на свадьбу вещи, привезенные невестой, расстилают ковры, одеяла и пр.

Когда невеста сходит с лошади, под ноги ей бросают железные вилы и другие вещи. Если она тут же заботливо сложит все вещи, то считают, что она будет хорошей хозяйкой. В дом невеста вступает правой ногой — признак того, что жизнь ее в этом доме будет правильной.

Мать и сестры жениха встречают ее распространенным пожеланием: «Чтоб ты была матерью семи сыновей и семи дочерей».

В этом же селении жених, входя в комнату невесты, говорит ей: «С приездом». На это приветствие невеста ничего не отвечает. Тогда он срывает с нее покрывало и пытается заставить произнести хоть какой-нибудь звук. Еще недавно был обычаем избивать невесту палкой.

Получив от жениха доказательство невинности невесты — «платок чести», дружки жениха выстрелами извещали об этом жителей селения. Если невеста оказалась не девственной, жених немедленно прогонял ее и требовал возмещения всех расходов.

На следующий же день молодая жена идет за водой и с этого же дня приступает к домашним работам. Два–три первых дня невестка не должна разговаривать с отцом и братьями жениха, а с мужем не разговаривает при людях два–три года. Обедает она первые два–три года отдельно от мужа, вместе с женщинами.

В сел. Курах на первом лишане кто-либо из друзей жениха оговаривается, сколько жених должен сделать подарков невесте. Примерно дают так: материала на два платья, пару белья и некоторую сумму денег. Из полученного материала мать невесты сама должна сшить дочери платье.

Второе обручение, которое называется здесь «*мед ели*», устраивают тогда, когда одежда уже сшита. На второй лишан приходят 3–5 человек мужчин. Их угощают, и они кладут рядом с подносом около 100 руб. Отцы сговариваются о «*раек, ин кук*», который в дореволюционное время равнялся от 200 до 500 рублей. Не дать просимой суммы считалось стыдным, и ее уплачивали, хотя бы ценою продажи весьма нужных вещей.

Третий лишан, женский, устраивают через две-четыре недели после второго.

Рано утром после первой брачной ночи, безразлично — зимою или летом, наибы уводят жениха купаться в речке. После купанья жених уходит в дом своего дяди по отцу (*elmi*) или брата, где с утра начинается веселье — танцы, игры и угощение. Любимой игрой, в которую играют только на свадьбе, является игра в шаха. В этой игре участвуют только мужчины (среднего возраста и молодежь) с особыми украшениями из перьев. Она состоит в следующем. Одного мужчину выбирают шахом. Он в отличие от других надевает особую одежду. Шах вызывает к себе то того, то другого родственника жениха и говорит: «Ты обязан достать жениху два кувшина бузы, мяса, куриц, яиц и другую закуску». Родственник уходит домой выполнять данное ему поручение, а за него остается заложник. Если по истечении назначенного срока посланный не придет, то заложнику привязывали ноги и били по подошвам. Во время игры из дома жениха приносят угощение. Жених сидит возле шаха совершенно безмолвный. Все присутствующие кладут деньги 50 к. — 1 руб. 3/4 этих денег отдают жениху, а остальное наибам.

Через некоторое время после свадьбы молодожены идут в гости к своим родственникам, но ходят они порознь. Молодوخа несет родственникам подарки — носки, носовые платки и пр.

Прежде, когда выдавали из сел. Курах девушку замуж в какое-нибудь небольшое селение, молодежь квартала не отпускала невесту, пока родственники жениха не платили им выкупа козой. Более сильные и более независимые селения отказывались давать этот выкуп, а такое небольшое селение, как, например, Кумух, всегда откупало невесту козой. Коза эта называлась *кимин це*, т.е. кимная коза. Кимом называется площадь, обычно около мечети, на которой собираются мужчины. На этой площади молодежь и загораживает невесте путь и получает в качестве выкупа козу.

В Курахе принято на свадьбе делать «*казахи*», т.е. девушкам переодеваться в мужскую одежду, а мужчинам в женскую. Всего бывает 15–20 казахов, они танцуют и вызывают общее веселье.

При входе невесты в дом жениха она наступает на положенную у порога деревянную ложку с медом. Этот обычай наблюдался нами и в сел. Ахты.

Если замуж выходит вдова, то всех брачных церемоний не совершают. Три–четыре женщины уводят ее в дом мужа, где бывает небольшое угощение, и на этом церемония кончается.

В свадебных обрядах лезгин мы видим, с одной стороны, различные приемы, имеющие целью обеспечение молодым счастливой жизни, с другой — отражение существовавших в прошлом социальных отношений.

К обрядам первого рода относятся:

1) Обсыпание невесты зерном, мукой, сахаром, конфетами и деньгами для того, чтобы она родила большое потомство и жизнь ее протекала в довольствии и счастье.

Обычай этот распространен очень широко. Горские евреи осыпали невесту при входе в дом жениха рисом, «чтобы она родила много детей»¹¹. Мингрельцы осыпают невесту зернами проса, «чтобы она была плодovита, как эти зерна»¹². Турецкие езиды, «осыпая голову невесты крошками хлеба, выражают этим пожелание, чтобы она никогда не нуждалась в куске хлеба и провела супружество в довольстве и богатстве»¹³.

2) На пороге невесту встречает мать жениха и, смазывая ей губы медом, говорит: «Пусть сладок тебе будет этот дом». Другой, чаще встречающийся вариант: невеста берет рукою из чашки мед и мажет ею косяки двери. В сел. Гиль Аз. ССР вместо меда невеста мажет косяк глиной.

В ряде лезгинских селений при входе невесты на порог дома жениха кладут ложку с маслом, на которую невеста наступала.

Обычай мазать косяк двери при входе невесты в дом жениха распространен тоже очень широко. В б. Закатальском окр. новобрачной дают немного теста и она прилепляет его к косяку двери¹⁴. У пшавов новобрачной подают в доме мужа чашку с закваской и невеста должна смазать ею свод входных дверей для того, «чтобы довольство и счастье, внести в семью»¹⁵.

Во всех этих примерах упорно фигурирует косяк двери. Косяк двери и порог у ряда народов являются местами обитания домашних пенатов. Вера в этих домашних пенатов у лезгин, по-видимому, уже давно исчезла, но обряд умилоствления их сохранился в свадебном обряде — смазывании косяка двери и раздавливанием ложки с маслом на пороге дома¹⁶. А в некоторых лезгинских селениях эта умилоствительная жертва домашним пенатам медом или тестом заменена

¹¹ Черный И. Горские евреи // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 3. С. 38.

¹² СМОМПК I, стр. 109. (Источник не определен, ссылка дана в авторском варианте. — Прим. К. Радецкой).

¹³ Карцев Ю.С. Заметки о турецких езидях // Зап. Кавказ отд. Импер. Рус. географ. об-ва Тифлис, 1891. Т. 13. Вып. 2. С. 261.

¹⁴ Плотто А. Природа и люди Закатальского округа // ССКГ. Тифлис, 1870. Вып. 4. С. 34.

¹⁵ Хизанашвили Д. Пшавия и пшавы: Брак и взаимные отношения между членами семьи // ЗКОИРГО. Тифлис, 1896. Кн. 18. С. 134.

¹⁶ Ср.: Штернберг Л.Я. Социальная организация гияльков. Л., 1933. С. 144. При выходе из юрты поочередно невеста, а потом жених одну ногу ставит в большой котел, а другую в малый, не топч порога... Церемония эта символический союз взаимного кормления и взаимной дружбы перед лицом двух женских пенатов — «старухи хозяйки рога» и «хозяйки поперечины над дверью».

глиной, что лишний раз доказывает, насколько забыт первоначальный смысл этого обряда.

3) Обычай надевания женихом или невестой овчинной шубы. Сейчас смысл этого обычая утрачен, но происхождение его надо искать в древнем взгляде на овчину как символ плодородия и богатства. Этот взгляд возник, по-видимому, у скотоводческих народов, но впоследствии распространился и у народов земледельческих. «Как шуба мохната, так, чтобы и вы детки были бы счастливы и богаты», так благословляли родители жениха и невесту, стоявших при этом на разостланной шерстью вверх шубе (Ейск)¹⁷. Этот пример объясняет нам народное воззрение на овчину. Г.Ф. Чурсин приводит много примеров с вывернутой шубой для привлечения плодородия и богатства в свадебных обрядах ряда кавказских народностей.

4) Обычай сажать на колени невесты мальчика, имеющий место в лезгинской свадьбе, распространен у самых разнообразных народов¹⁸. Этот обряд подражательной магии везде преследует цель — вызвать рождение мальчиков.

5) Употребление в свадебном обряде лезгин зажженной лампы или факелов также встречается у многих других народностей и за пределами Кавказа — у древних греков и римлян, в древнем Израиле и др. Как видно из описаний этого обычая, факелы или лампы служили для отпугивания от невесты злых духов.

6) Для охраны новобрачных от злых духов и всяких чар к жениху и невесте приставляют людей, главная обязанность которых состоит в том, чтобы безотлучно находиться при молодых и беречь их, как зеницу ока. <...> В этой же роли оберегателей жениха и невесты от влияния злых сил выступают дружки и шафера, которые неотступно следуют за женихом и невестой¹⁹.

В современной лезгинской свадьбе такая бдительная охрана жениха дружками объясняется возможностью шуточной кражи жениха молодежью, которая возвращает его при условии выкупа вином или угощением. Мы видим, что первоначальная религиозная причина возникновения этого обычая уже забыта и ее подменили шуточной игрой.

7) Закрывание лица невесты покрывалом объясняют у одних народов целью охраны от злых духов и чар, у других — имитацией умыкания. Лезгины утратили какое бы ни было объяснение. Но в обычае закрывания лица поражает другое обстоятельство — у большинства народов покрывало это должно быть обязательно красное. У древних римлян невесте в день свадьбы закрывали лицо

¹⁷ Харламов М. Свадебные обряды и песни гор. Ейска. // СМОМПК. Вып. 34. отдел II. Тифлис, 1906. С.37.

¹⁸ Многочисленные примеры этого обычая приводит Е.Г. Кагаров в работе «К вопросу о значении наксосского. свадебного обычая». С. 27, 28.

¹⁹ Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа, Тифлис, 1913. С. 123–124.

огненно-красным или желтым покрывалом «flammeum» (очевидно от flamma — пламя). Красное покрывало было обязательным у невест и на Украине²⁰. Красный цвет покрывала и его латинское название дают нам право предположить, что первоначальная функция его была та же, что факелов, т.е. охрана от злых духов и чар. Интересно, что «у евреев сахарского оазиса Мцаб еще сегодня обертывают голову невесты шелковым платком, в складки которого засовывают зажженные свечи, конечно, не для цели освещения»²¹.

8) Ритуальное купанье жениха в реке после первой брачной ночи отмечено нами только в одном сел. Курах, по-видимому, этот обряд, распространенный как среди европейских, так и семитических народов, у лезгин, как и других мусульманских народов, стал исчезать, так как для них вообще было обязательно омовение после coitus.

9) Свадебный обычай (лезгин) закалывания барана перед лошадью невесты, когда она подъезжает к дому жениха, также имеет много параллелей. Так, у гурийцев мусульман б. Батумской области, когда молодые подъезжают к дому жениха, к ним подводят барана, и невеста, сидя верхом на лошади, трижды объезжает вокруг него, после чего спутники невесты режут барана²². У артовинских армян у ворот дома жениха перед невестой закалывают овцу или режут курицу²³. У армян б. Зангезурского у. перед ногами новобрачных режут барана, и если в это время кто-нибудь обмакнет лезвие ножа в кровь жертвы и тотчас закроет его, то дом новобрачных будет застрахован от несчастий²⁴.

У грузин б. Ахалцихского у. перед домом жениха все участники свадебной процессии слезали с лошадей, оставались на лошадях только жених и невеста, так как к ним должны были подвести барана, а за неимением такового — курицу и зарезать у ног лошади²⁵.

Греки б. Карсской обл. также резали барана у ног новобрачных в тот момент, когда свадебная процессия направлялась из церкви в дом жениха²⁶.

Мусульмане Гуярата, когда невеста первый раз входит в дом

²⁰ Сумцов Н. Ф. К вопросу о влиянии греческого и римского свадебного ритуала на малорусскую свадьбу. Изд. Журнала «Киевская старина». Киев, 1886. С. 21.

²¹ Черный И. Горские евреи... С. 37.

²² Державин Н.С. Свадьба у гурийцев-мусульман в окрестностях Батума // СМОМПК. 1902. Вып. 31. С. 172.

²³ Державин Н.С. Из жизни артовинских армян // СМОМПК. 1906. Вып. 36. С. 29.

²⁴ Мелик-Шахназаров Е. Свадьбы зангезурских армян // СМОМПК. 1894. Вып. 19. С. 223.

²⁵ Андроников Л.Д. Описание 3-го, Уравельского, полицейского участка, Ахалц, уез., Тифл.губ. // ЗКОИРГО. Т. 16. 1894. С. 294.

²⁶ Янович Ф.С. Очерки Карсской области // СМОМПК. 1904. Вып. 34. С. 92.

жениха, режут козу и кровью ее делают полосы на подошвах невесты «для очищения».

Г.Ф. Чурсин считает, что «новобрачная, чтобы снискать себе расположение духов нового дома, прибегает к помощи жертв»²⁷. Это объяснение не может быть принято, так как закалывают барана родственники жениха. Другое объяснение сводится к предохраняющей и охранительной силе крови (...)²⁸.

В подтверждение этого взгляда приводится свадебный обычай абиссинцев, у которых невеста сразу после дефлорации покидает комнату и в кровь убитой в это мгновение куры опускает платок, которым обматывает лоб жениха. У соседнего эфиопского племени, наоборот, муж через три дня после первой брачной ночи режет барана и мажет лоб и грудь молодой жене.

В свадебных обрядах самых разнообразных народов поразительно много сходного. Сходство это наблюдается как в общей схеме развития свадебного действия (сватовство, сговор, обручение и самая свадьба), так и в отдельных обрядах, а иногда и в деталях.

Эти сходные черты объясняются тем, что явление это стадияльно, оно присуще в основном родовой организации и сохранилось в пережиточной форме у народов, стоящих на более высокой ступени общественного развития.

(Архивный вариант статьи не имеет окончания).

*Подготовка текста к публикации и примечания
К.В. Радецкой*

²⁷ Чурсин Г.Ф. Очерки по этнологии Кавказа... С. 136.

²⁸ В авторском варианте текст в скобках отсутствует (*Прим. К. Радецкой*).